

УДК 811.552'36
DOI 10.17223/18137083/65/17

С. С. Буторин

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный технический университет*

Вариативность морфосинтаксического кодирования объекта-пациенса в кетском языке: детранзитивация

Анализируется случай вариативного изменения синтаксического кодирования семантического объекта-пациенса. Определены две стратегии изменения морфосинтаксического оформления пациенса: транзитивная конструкция, в которой пациенс имеет самостоятельный синтаксический статус прямого дополнения, и инкорпоративная детранзитивированная конструкция, в которой имя пациенса инкорпорируется в глагол-сказуемое. Детально рассмотрен механизм детранзитивации. Проанализировано вариативное кодирование пациенса с позиций концепции диатез и залогов. Выделены основные функции детранзитивации: понижение синтаксического и коммуникативного ранга прямого дополнения-пациенса, введение имени пациенса в фон, выделение акционально-процессуального компонента ситуации.

Ключевые слова: кетский язык, актантная деривация инкорпорирования, вариативное кодирование пациенса, детранзитивация, антипассив.

Целью статьи является рассмотрение вариативности морфосинтаксического кодирования синтаксического актанта – прямого дополнения как компонента семантической категории объектности, взаимосвязанной с комплексом функционально-семантических полей залоговости [Бондарко, 1991, с. 125–126].

В работе анализируется случай вариативного изменения синтаксического кодирования семантического объекта-пациенса, которое обусловлено процессом синтаксической деривации детранзитивации в результате инкорпорирования имени пациенса. Таким образом, в кетском языке семантический объект (пациенс) может быть представлен в двух вариантах: в исходной неинкорпоративной конструкции как синтаксический прямой объект-пациенс, имеющий независимый синтаксический ранг, и как инкорпорант в производной детранзитивиро-

Буторин Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); доцент кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (просп. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия; butorin_ss@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 4
© С. С. Буторин, 2018

ванной конструкции, т. е. как пациенс, утративший свой синтаксический статус и лишенный независимой синтаксической позиции прямого дополнения.

Вариативное кодирование синтаксических объектов в кетском языке предполагается проанализировать с позиций концепции диатез и залогов (см., например: [Холодович, 1979; Храковский, 1981]).

В работе использован языковой материал, записанный в основном Е. А. Крейновичем и А. П. Дульзоном от представителей старшего поколения кетов в середине прошлого века. Нынешнее состояние кетского языка, находящегося под угрозой исчезновения, таково, что его носители утрачивают осознание грамматической системы языка, способность порождения новых глагольных форм. Это приводит к тому, что «информант выдает лишь те формы, которые он когда-либо произносил вслух или слышал при общении, но не те, которые он, хотя и не произносил и не слышал, но мог бы относительно легко смоделировать» [Решетников, Старостин, 1995, с. 13–14]. В связи с этим проследить и зафиксировать использование неинкорпорированных и инкорпорированных объектных конструкций в процессе естественного использования языка в композиционно законченных текстах не представляется возможным.

В связи с тем, что механизмы синтаксической деривации в кетском невозможно понять без знакомства со структурой глагольной словоформы, необходимо совершить небольшой морфологический экскурс.

Кетский язык относится к полисинтетическим полиперсональным языкам с элементами инкорпорации, причем глагол характеризуется сложной морфологической структурой и многообразием структурных, а также формо- и словообразовательных типов и подтипов (см. [Крейнович, 1968, с. 9–40]). Модель глагольного согласования включает три согласовательные позиции, которые могут заполняться восемью парадигматическими рядами лично-числовых показателей согласования с синтаксическими актантами – подлежащим и прямым дополнением [Там же, с. 22–29].

Заполнение позиций в значительной степени лексикализировано и зависит от структурных и словообразовательных типов и подтипов глагола (см., например: [Vajda, 2003, р. 56–57, 59]), а принципы их заполнения до настоящего времени не находят достаточно обоснованного объяснения. В связи с этим позициям присвоены условные обозначения AP:I (agreement position – согласовательная позиция I), AP:II и AP:III. С учетом моделей структурной организации кетского глагола, предложенных рядом исследователей [Крейнович, 1968, с. 11–14; Werner, 1995, S. 52–53; Vajda, 2003, р. 55–57], максимальная теоретически возможная словообразовательная и словоизменительная модель кетской глагольной словоформы, модифицированная и предложенная в работах [Буторин, 1995; Решетников, Старостин, 1995, с. 99, 100], может быть представлена в следующем виде:

$$\text{AP:I} - \text{INC} - \text{MDF}_{\text{ROOT}} / \text{MDF}_{\text{VRBL}} - \text{AP:II} - \text{DET}_A - \text{DET} - \text{TEMP} - \\ - \text{AP:III} - \text{KERN}_{\text{ROOT}} / \text{KERN}_{\text{VRBL}} - \text{PL}_{\text{AP:I}}$$

Модель 1. Максимальная словоизменительная и словообразовательная модель глагольной словоформы

Model 1. The maximum inflectional and derivational model of a verbal word form

Как видно из модели, инкорпорант помещается в структурную рамку, образуемую показателем агенса (левая маргинальная позиция) и показателем множественного числа агенса (правая маргинальная позиция). Структурной особенностью кетского глагола является дистантное расположение инкорпоранта и модификатора по отношению к ядру.

Инкорпорант занимает самостоятельную, отдельную позицию, отличную от позиции лексического модификатора (1)–(2):

(1) *лаундиңа ул' датпақ*
лаун=диңа ул'
бочка=DAT вода.ABS
д=ат=п=ақ
AP:I.1=лить.MDF_{ROOT}=AP:III.3.N=KERN_{VRBL}
'в бочку воду налью' [Крейнович, 1968, с. 113];

(2) *лаундиңа дул' атсақ*
лаун=диңа д=ул'=ат=с=ақ
бочка=DAT AP:I.1=вода.INC=лить.MDF_{ROOT}=PRES=KERN_{VRBL}
'в бочку воду налью' [Там же]¹.

Заметим, что ранее этот факт исследователи морфологии кетского языка не отмечали и разграничение позиций инкорпорантов и модификаторов в составе глагольной словоформы не проводилось. Так, например, Э. Вайда считает, что как инкорпоранты, так и модификаторы занимают одну и ту же позицию в структуре глагола [Vajda, 2004, p. 44–45].

В настоящей работе анализируются детранзитивированные инкорпоративные конструкции, которые относятся к случаям прототипической, канонической инкорпорации и отвечают следующим требованиям: 1) наличие исходной соотносительной неинкорпорированной конструкции, в которой имя занимает независимую синтаксическую позицию прямого дополнения; 2) глагольная основа производной инкорпоративной конструкции может использоваться в составе самостоятельного неинкорпорирующего глагола (см. [Mithun, 1986, p. 32]).

Встречается и более широкая, не всегда, на наш взгляд, оправданная трактовка инкорпорации в кетском языке. Подобную трактовку находим, например, в работе Ш. Георга [Georg, 2007, p. 128–248]. Автор причисляет, в частности, к инкорпорантам морфологические компоненты, относимые нами к модификаторам-вербализаторам и детерминативам, которые не способны использоваться в качестве лексических корней в составе самостоятельных слов, имеющих независимые синтаксические функции.

Синтаксическая детранзитивация

В проведенном исследовании использовано понятие детранзитивации, входящей в состав глагольной категории транзитивации, предложенной И. А. Мельчуком. Категория транзитивации – это категория, «элементы которой указывают при данном глаголе на изменения синтаксического ранга его второго поверхностно-синтаксического актанта [т. е. его первого дополнения]» [Мельчук, 1998, с. 185].

¹ Примеры приводятся в авторской записи, при этом в ряде случаев приходится изменять некоторое упрощение и унификацию используемых фонетических символов. Таблица соответствия фонетических знаков некоторых систем приведена в [Кетский сборник, 1969, с. 284–285]. Следует обратить внимание читателя на то, что в кетологической литературе отсутствует унифицированная система транскрипции; ряд исследователей используют систему на основе латиницы, другие же – на основе кириллицы, причем как у первых, так и у последних отсутствует единая унифицированная транскрипционная система.

В составе категории транзитивации выделяются граммы нейтральности, транзитиватива и детранзитиватива. Нас будет интересовать грамматическое значение детранзитиватива, при котором исходный ранг первого дополнения понижается (иными словами, прямое дополнение становится непрямым или косвенным) [Мельчук, 1998, с. 186]. В данном исследовании будет использоваться термин «детранзитивация».

Результатом детранзитивации является производный непереходный глагол.

При детранзитивации в указанном смысле изменения аргументной структуры не происходит – изменяется поверхностно-синтаксическое кодирование аргументов; имеет место синтаксическая детранзитивация без изменения пропозитивного смысла и денотативного значения, а также без количественного и качественного изменения аргументной структуры глагола (состава семантических аргументов).

Проанализируем морфосинтаксическое преобразование детранзитивации, в котором задействован механизм инкорпорирования имени семантического пациенса, и рассмотрим изменения в формальном кодировании синтаксических компонентов производной детранзитивированной конструкции на базе исходных транзитивных неинкорпоративных и производных детранзитивированных инкорпоративных конструкций. Приведем продуктивную модель инкорпорации, включающую глагол с основой *бѣт ~ вѣт ~ вит* ‘делать’ (3)–(4):

(3) *ад итн диббѣт*

ад итн ди=б=бѣт

я юкола AP:I.1=AP:III.3.N=делать.KERN_{ROOT}

‘Я юколу сделаю’ [Дульзон, 1972, с. 62];

(4) *була ди:тн:витн*

була д=и:тн=и:=вит=н

как AP:I.3=юкола.INC=INTF=делать.KERN_{ROOT}=PL_{AP:I}

‘Как юколу делают (название рассказа на бытовую тему)’ [Там же, с. 160].

В исходной транзитивной конструкции имя пациенса занимает самостоятельную синтаксическую позицию прямого дополнения в абсолютном падеже, не имеющем морфологической маркировки и совпадающем с основой имени существительного. В качестве прямого дополнения имя пациенса контролирует согласование глагола, которое осуществляется посредством глагольных актантных показателей, отражающих лицо, число, а в 3-м лице единственного числа – категорию рода (класса). В приведенном примере в глаголе содержится показатель класса вещей =б= в согласовательной позиции III (СП:III). Глагол-сказуемое является переходным и в данной конструкции реализует две семантические валентности: на агенс и пациенс; и две синтаксические валентности: на подлежащее и прямое дополнение. Глагол согласуется с именем агенса: в примере – показатель =д= 1-го лица в СП:I; и именем пациенса – показатель неодушевленного класса (класса вещей) =б= в СП:III. Таким образом, исходная конструкция является стандартной как семантически, так и синтаксически транзитивной конструкцией.

В детранзитивированной конструкции ситуация совершенно иная. Имя пациенса утрачивает свою синтаксическую позицию прямого дополнения и, следовательно, теряет способность контролировать согласование глагола. Глагол утрачивает синтаксическую валентность на прямое дополнение-пациенс вследствие инкорпорации пациенса и соответственно изменяется согласовательная модель глагола: элиминируется позиция согласования с именем пациенса – прямым дополнением, а также устраняется показатель согласования с пациенсом =б=, при-

существующим в исходной транзитивной конструкции. В результате глагол становится синтаксически непереходным и согласование осуществляется лишь с одним актантом – подлежащим. Инкорпорированное имя сохраняет свою семантическую характеристику и в логико-семантическом плане выступает по отношению к глаголу в качестве пациенса. Отсюда следует, что глагол теряет синтаксическую валентность на прямое дополнение, которое устраняется из синтаксической структуры предложения, но сохраняет логико-семантическую валентность на пациенс, имя которого инкорпорировано в состав глагола. Таким образом, производная детранзитивированная конструкция представляет собой своего рода «гибридную» конструкцию, которая является семантически двухвалентной и «транзитивной», так как имеет валентность на агенс и пациенс (хотя последний инкорпорирован), но синтаксически одновалентной, интранзитивной: синтаксическая валентность на прямое дополнение отсутствует.

По мнению Е. А. Крейновича, сущность инкорпорации в кетском языке состоит в том, что «в переходных глаголах, имеющих в своей структуре местоименный показатель объекта, последний вытесняется существительным, вклинивающимся в глагол. В связи с этим в языке объектному словосочетанию, образованному прямым дополнением и объектным переходным глаголом, может противостоять еще сложный инкорпорированный глагол» [Крейнович, 1968, с. 113].

Механизм «вытеснения» показателя пациенса при инкорпорировании подтверждает типологический вывод о том, что инкорпорированное имя не контролирует согласование глагола ни в одном языке. Например, в чукотском языке при инкорпорировании имен происходит или смена субъектно-объектного спряжения на субъектное, или же объектное согласование начинает контролироваться иным актантом [Полинская, 1991, с. 375].

Типологическая характеристика детранзитивации: детранзитивация и антипассив

Трансформация инкорпорирования прямого объекта внешне напоминает синтаксическое преобразование, или изменение диатезы, которое носит название «антипассив». И. А. Мельчук использует термин «детранзитиватив», так как считает, что данное преобразование не является «зеркальной противоположностью пассиву», а входит в состав отдельной категории транзитивации [Мельчук, 1998, с. 185–185, 190–191].

В функциональном плане антипассивное преобразование направлено на понижение коммуникативного ранга прямого дополнения посредством понижения его синтаксического статуса [Плунгян, 2011, с. 272]. Антипассив часто используется в эргативных языках. В исходной нейтральной синтаксической конструкции агенс при наличии пациенса (т. е. при двухместных предикатах) маркируется одним из косвенных падежей (эргативом, генитивом и т. п.), а пациенс – номинативом (абсолютивом). В антипассивной конструкции в результате преобразования пациенс приобретает показатель косвенного падежа (например, инструменталиса, локатива), а агенс – показатель номинатива (абсолютива). Неслучайно определение этой категории ориентировано на эргативные языки: «Преобразование, при котором пациенс получает показатель косвенного падежа, а агенс – показатель номинатива, часто грамматикализуется в глагольных системах эргативных языков; оно носит название антипассива. (Похожая мена глагольного управления возникает, например, в русской паре предложений: *Мне достался нож – Я обзавелся ножом*, связанных друг с другом, правда, не грамматически, а лексически.)» [Там же].

Таким образом, антипассивное преобразование в эргативных языках затрагивает изменение морфологического оформления как пациенса, так и агенса. В синтаксическом плане антипассивное преобразование служит средством понижения синтаксического ранга пациенса от ранга прямого дополнения до ранга косвенного дополнения [Polinskaja, Nedjalkov, 1987, p. 240–241].

Антипассивные конструкции отмечены и в неэргативных языках, например в русском: *Мальчик бросает камни – Мальчик бросается камнями; Они запасли себе провиант – Они запаслись провиантом*. Высказывается даже мнение, что «принципиального отличия между антипассивом в большинстве “эргативных” языков и антипассивом, например, в русском языке нет» [Тестелец, 2001, с. 424, 425].

В кетском языке детранзитивация демонстрирует функциональное сходство с антипассивным преобразованием. Приблизительное, но отнюдь не полное сходство с антипассивом проявляется в том, что в кетском языке прямое дополнение двухместного глагола, занимающее исходно привилегированное положение в синтаксической и коммуникативной иерархии по сравнению с другими дополнениями и обстоятельствами (о синтаксической и коммуникативной иерархии см. [Мельчук, 1998, с. 184–185; Плунгян, 2011, с. 272–273]), понижается в синтаксическом и коммуникативном ранге до статуса инкорпорированного имени пациенса. В эргативных языках, как уже отмечалось, антипассивное преобразование затрагивает не только оформление агенса, но и оформление пациенса. В кетском же языке, в отличие от эргативных, изменение кодирования пациенса никоим образом не сказывается на морфологической маркировке имени агенса: агенс в исходной и производной конструкции используется в одном и том же падеже – абсолютном, при этом агенс продолжает контролировать согласование глагола и модель актантного согласования с агенсом не изменяется. В кетском языке понижение синтаксического ранга прямого дополнения, а точнее, его утрата именем пациенса достигается детранзитивацией конструкции посредством инкорпорирования имени пациенса в состав глагола. Формальным изменениям подвергается как прямое дополнение, так и глагол, который превращается в инкорпоративный комплекс.

Инкорпоративная детранзитивация, как и антипассивное преобразование, изменяет лишь способ выражения пациенса, понижая его синтаксический статус до инкорпорированного пациенса, но не удаляя его из аргументной структуры глагола. В этом плане детранзитивация в кетском и антипассив в эргативных языках отличаются от объектного имперсонала, который вообще удаляет пациенс из аргументной структуры глагола и понижает количество синтаксических актантов на единицу [Аркадьев, Летучий, 2008, с. 78–79; Плунгян, 2011, с. 293–298].

Ни кетская детранзитивация, ни антипассив не подразумевают отсутствие в описываемой ситуации партиципанта, выполняющего семантическую роль пациенса: изменяются его коммуникативные и синтаксические свойства. Данный факт, по-видимому, обусловлен тем, что «пациенс вообще связан с семантической ситуацией гораздо сильнее... и удалить его из ситуации существенно сложнее... не даром в ряде формальных теорий грамматики это противопоставление отражается и на уровне (глубинной) синтаксической структуры: Пациенс считается “внутренним” аргументом, входящим в одну составляющую с глаголом, а Агенс рассматривается как “внешний” аргумент...» [Аркадьев, Летучий, 2008, с. 78–79].

Кетская инкорпоративная детранзитивация имеет типологическое сходство с антипассивной конструкцией в чукотском языке, которая образуется в результате инкорпорации объекта, правда косвенного, что в типологическом плане свидетельствует о возможности использования инкорпорации, в рассматривае-

мом случае имени инструментального объекта, в целях антипассивного преобразования:

(5) (чукотский язык)

ətləg=e mətq=e kawkaw ena=rkele=nən
 father=ERG butter=INSTR bread (abs) AP=spread on=3S:3S(aor)
 отец=ERG масло=INSTR хлеб (abs) AP=намазать=3S:3S(aor)
 ‘Отец маслом хлеб намазал’ [Polinskaja, Nadjalkov, 1987, p. 240];

(6) (чукотский язык)

ətləg=e kawkaw mətq=e=rkele=nən
 father=ERG bread (abs) butter(inc)=spread on=3S:3S(aor)
 отец=ERG хлеб масло(inc)= намазать=3S:3S(aor)
 ‘Отец хлеб маслом=намазал’ [Ibid.].

В (5) используется антипассивная конструкция с антипассивным показателем *ena* в составе глагола, а в (6) – антипассивная конструкция, образованная в результате инкорпорирования имени объекта [Polinskaja, Nadjalkov, 1987, p. 241], что подтверждает функциональную аналогию использования конструкции с антипассивным показателем и конструкции с инкорпоративным комплексом, а также принципиальную возможность применения в кетском языке инкорпорирования в целях понижения синтаксического и коммуникативного ранга объекта. В кетском языке инкорпорировается, как правило, прямой объект-пациенс, но в литературе отмечается возможность инкорпорирования и непрямого семантического объекта – инструмента, например *dɬ=t=tet* [AP:I.3.F=AP:III.1.SG=бить/ударить.KERN_{ROOT}] ‘она бьет/ударит меня’; *da=dɬn’=ba=tet* [AP:I.3.F=нож.INC=AP:II.1.SG=бить/ударить.KERN_{ROOT}] (см. [Werner, 1995, S. 74]). Однако, на наш взгляд, инкорпорирование инструмента не подходит под определение прототипической инкорпорации (см. выше) и требует отдельного исследования.

В кетском языке детранзитивация посредством инкорпорирования имени пациенса имеет определенное функциональное сходство с антипассивом, но охватывает ограниченный объем глагольной лексики (главным образом, глаголы с основой *=баѣт* ‘делать’, ‘изготавливать’ и некоторые другие разряды глаголов), но приписать детранзитивации в кетском языке статус грамматической категории антипассивного залога не представляется возможным. Целесообразно говорить лишь о наличии антипассивной диатезы, которая не грамматикализована, а имеет лишь лексический характер.

Анализ изменения кодирования прямых объектов с позиций концепции диатез и залогов

Изначально диатеза определялась как «схема соответствия между единицами синтаксического уровня и семантического уровня», а залог, соответственно, как «регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» [Холодович, 1979, с. 284]. В ходе развития теоретической концепции понятие диатезы было расширено и в него были введены единицы дополнительного уровня – референтного; таким образом диатеза получила трактовку как соответствие единиц не двух, а трех уровней: 1) референтного уровня, т. е. уровня участников (партиципантов) абстрактных ситуаций; 2) семантического уровня, или уровня обобщенных семантических ролей; 3) синтаксического уровня, или уровня синтаксических актантов, представляющих собой имена референтов [Храковский, 1981, с. 10–11]. Подчеркнем, что под референтами В. С. Храковский понимает партиципантов, т. е.

участников ситуации, а не их референциальный статус. В данной работе концепция В. С. Храковского используется в несколько модифицированном виде. Вместо термина «референтный уровень» применяется термин «партиципантный уровень», т. е. уровень партиципантов – участников ситуации. Кроме того, предлагается добавить прагматический уровень, который непосредственно связан с синтаксическим и отражает прагматический (коммуникативный) статус участников ситуации: чем выше синтаксический ранг актанта, тем выше его коммуникативный статус и наоборот: чем ниже синтаксический ранг, тем ниже коммуникативный статус. В нашем случае инкорпорация служит средством понижения коммуникативного статуса пациенса. Изменения на прагматическом уровне будут рассмотрены ниже (см. параграф «Функции детранзитивации»).

Рассмотрим детранзитивацию в кетском языке с позиций концепции диатез илогов с целью выявления того, какие преобразования диатез имеют место.

Партиципантный уровень. Изменений на партиципантном уровне не происходит: количественный и качественный состав участников ситуаций остается постоянным. Следует отметить, что мы разграничиваем партиципантный уровень (количественный состав участников в соотнесенности с выполняемыми ими семантическими ролями) и референциальный статус участников ситуаций: референтный, т. е. специфический, и нереферентный, т. е. неспецифический. В таком случае референциальный статус участников при инкорпорировании может изменяться (см. параграф «Функции детранзитивации»).

Семантический уровень. В рассматриваемых случаях (примеры (1)–(4)) вариативного изменения кодирования прямого дополнения изменения семантических характеристик партиципантов не происходит: набор семантических актантов сохраняется.

Синтаксический уровень. В случаях варьирования морфосинтаксического оформления прямого дополнения происходит изменение синтаксического статуса имени пациенса. При детранзитивации инкорпорированное имя утрачивает синтаксический статус прямого дополнения; устраняется синтаксическая позиция прямого дополнения, синтаксическая валентность глагола понижается на единицу; инкорпорированное имя утрачивает способность контролировать согласование глагола.

Прагматический уровень. Понижение синтаксического статуса пациенса, причем полная утрата синтаксического статуса прямого дополнения при инкорпорировании, приводит к понижению его прагматического (коммуникативного) статуса. Более детально понижение прагматического статуса объекта-пациенса будет рассмотрено в параграфе «Функции детранзитивации».

Итак, в случае детранзитивации соответствия между единицами партиципантного и семантического уровней изменениям не подвергаются: изменение затрагивает лишь синтаксический и прагматический уровни, на которых имеет место смена синтаксического и прагматического (коммуникативного) статуса участников ситуации.

Функции детранзитивации

На коммуникативную сущность рассматриваемого детранзитивного преобразования в кетском языке обратил внимание еще Е. А. Крейнович: он считал, что неинкорпоративная конструкция служит для логического выделения глагола-предиката, а инкорпоративная – для выделения первого компонента сложного инкорпорированного глагола [Крейнович, 1968, с. 147–148].

В настоящее время преобладает мнение, что свободные объектные словосочетания используются для описания конкретных ситуаций с наличием рефе-

рентного, специфического объекта-пациенса, а инкорпоративные глаголы – для описания действия общего характера, действия в ситуациях, в которых указывается, чем участник занимается вообще [Werner, 1997, S. 174–175]; в последнем случае пациенс является нереферентным, неспецифическим, а также служит средством введения семантического пациенса – прямого дополнения – в фон высказывания [Maksunova, 2003, p. 129–130].

Таким образом, функция детранзитивации может быть определена как изменение поверхностно-синтаксического ранга актанта с целью изменения его прагматической (коммуникативной) нагрузки.

И. А. Мельчук приводит следующую иерархию синтаксических актантов и сирконстантов:

Подлежащее > Прямое дополнение > Непрямое дополнение > Косвенное дополнение > Сирконстант

Модель 2. Иерархия синтаксических актантов и сирконстантов
Model 2. The hierarchy of syntactic arguments and adjuncts

Как правило, чем выше синтаксический ранг члена предложения, тем большей коммуникативной значимостью он обладает. Наивысшим коммуникативным рангом характеризуется подлежащее, за ним следует прямое дополнение, причем коммуникативный вес прямого дополнения значительнее, чем у других дополнений: оно в меньшей степени допускает опущение, в большей степени влияет на форму глагола [Мельчук, 1998, с. 184–185].

Детранзитивация в результате инкорпорации, приводящая к понижению синтаксического ранга первого (прямого) дополнения (второго синтаксического актанта после подлежащего), служит целям выведения пациенса из коммуникативного фокуса и перевода его в фон внимания говорящего. При этом часто акцентируется акционально-процессуальный компонент ситуации, акцентируется характер, вид деятельности, которой занимается субъект высказывания, см. примеры (3), (4).

Эмфаза акционально-процессуального компонента ситуации при понижении синтаксического ранга прямого объекта во многих случаях сопряжена с функцией выражения нереферентных объектных именных групп, не соотносящихся ни с какими индивидуализированными объектами (см. [Падучева, 1985, с. 94; Плунгян, 2011, с. 228–229, 297–298]).

Использование нереферентных инкорпорированных имен наблюдается, в частности, при описании ситуаций, характеризующихся аспектуальной характеристикой узуальности. Узуальность способствует использованию как обобщенных субъектов (ср.: [Бондарко, 1987, с. 217]), так и, по нашему мнению, нереферентных инкорпорированных объектов (7).

(7) [Анат де?нг до:lin бѣ'н ендѣYом.] – Интродуктивное предложение.

‘Раньше люди жили не по-нынешнему’.

ди:с'и:витн накѣ'таRыс'анг. дѣ'ливитн, ткѣ'ктиинги:витн, ди:тни:витн...

д=и:с'и:=и:=вит=н,

AP:I.3=рыба.INC=INTF=делать.KERN_{ROOT}=PL_{AP.I}

‘Рыбу готовят

на=кѣ'таR=ыс'анг,

их. POSS=зима=PP

на свою зимовку,

$\partial = \text{в}^{\circ} \text{л} = \text{и} = \text{вит} = \text{н}$,
 AP:I.3=порс.INC=INTF=делать.KERN_{ROOT}=PL_{AP:1}
 порс делают,
 $m = \text{к}^{\circ} \text{к} \text{ти} \text{нг} = \text{и} = \text{вит} = \text{н}$, ...
 AP:I.3=посуда.INC=INTF=делать.KERN_{ROOT}=PL_{AP:1}
 берестяную посуду для жира делают... [Дульзон, 1972, с. 159].
 'Рыбу готовят на зимовку, порс делают, берестяную посуду для жира делают...' [Дульзон, 1972, с. 159]

При инкорпорировании имени пациенса детранзитивированная инкорпорированная конструкция может служить целям введения в фокус внимания синтаксического компонента, имеющего более низкий синтаксический и соответственно коммуникативный ранг, например, локатива (8):

(8) *қип' эладл.т бау дэс'абдақ*
қип' эла=дл.т бау
 дедушка.ABS дверь=PPOS чурбак.ABS
 $\partial = \text{эс}' = \text{а} = \text{б} = \text{дақ}$
 AP:I.3.M=MDF_{ROOT}=PRES=AP:III.N=KERN_{ROOT}
 'дедушка поверх двери палку/чурбак положит' [Крейнович, 1968, с. 113].

(9) *қип' эладл.т дбауэс'аерақ*
қип' эла=дл.т
 дедушка дверь=поверх.PP
 $\partial = \text{бау} = \text{эс}' = \text{а} = \text{рақ}$
 AP:I.3.M=чурбак.INC=MDF_{ROOT}=PRES=KERN_{ROOT}
 'дедушка поверх двери палку/чурбак положит' [Крейнович, 1968, с. 113].

Инкорпорированное имя *бау* 'чурбак' утрачивает свой синтаксический ранг и «освобождает» синтаксическую позицию, в которую могут продвигаться компоненты, занимающие более низкий ранг в иерархии. Имя локатива *эла=дл.т* 'поверх двери' (*эла* 'дверь'; *дл.т* послелог 'поверх чего-либо', 'на чем-либо') перемещается в фокус без изменения своего синтаксического статуса.

Заключение

Впервые детально описан синтаксический деривационный процесс детранзитивации с использованием инкорпорирования прямого объекта, выполняющего семантическую роль пациенса, и предпринята попытка типологического сопоставления данного грамматического механизма с инкорпорацией в иных полисинтетических языках, в частности в чукотском.

В кетском языке семантический объект-пациенс может иметь вариативное морфосинтаксическое оформление: он может кодироваться либо как синтаксический прямой объект, выраженный отдельной именной группой, либо как инкорпорированное имя, утратившее самостоятельный синтаксический статус прямого дополнения и способность контролировать согласование глагола, но выступающее как семантический (логический) объект-пациенс по отношению к инкорпорированному глаголу, при этом синтаксическая валентность глагола понижается на единицу. Рассмотренная вариативность морфосинтаксического кодирования пациенса обусловлена деривационным процессом детранзитивации, причем исходная и производная конструкции связаны деривационными отношениями по типу «семантически и синтаксически транзитивная конструкция» → «семантически транзитивная, но синтаксически интранзитивная конструкция».

Детранзитивация имеет типологические параллели с антипассивом: имя пациенса при инкорпорировании понижается в синтаксическом и коммуникативном ранге. Однако это преобразование носит нерегулярный характер и охватывает ограниченный объем глагольной лексики, что позволяет говорить лишь о наличии лексической антипассивной диатезы, которая не грамматикализована.

Детранзитивация не приводит к каким-либо изменениям ни на партиципантном (количественный состав участников ситуации), ни на семантическом уровнях (семантико-ролевой статус партиципантов: агенс, пациенс, сирконстант и т. д.) диатезы. Изменения затрагивают лишь синтаксический и прагматический уровни, которые при вариативном синтаксическом выражении объекта влекут за собой смену прагматического (коммуникативного) ранга прямого объекта-пациенса: понижение коммуникативного статуса прямого объекта-пациенса и возможное повышение коммуникативного статуса иных компонентов высказывания, в частности сирконстанта. Инкорпорирование может затрагивать референциальный статус участников ситуации: смену референциального, специфического статуса на нереференциальный, неспецифический статус.

Список литературы

- Аркадьев П. М., Летучий А. Б. Деривация антипассивной зоны в адыгейском языке // Исследования по глагольной деривации: Сб. ст. / Отв. ред. В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов. М.: Языки славянских культур, 2008. 384 с.
- Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 1987. С. 210–233.
- Бондарко А. В. К определению понятия «залоговость» // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. М., 1991. С. 125–141.
- Буторин С. С. Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995. 19 с.
- Дульзон А. П. Сказки народов Сибирского Севера. Вып. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 202 с.
- Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты / Под ред. Вяч. Вс. Иванова. М.: Наука, 1969. 291 с.
- Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л.: Наука, 1968.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва; Вена: Языки русской культуры: Венский славистический альманах, 1998. 544 с.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Полинская М. С. Инкорпорированное слово в чукотском языке // Морфема и проблемы типологии. М., 1991. С. 357–386.
- Решетников К. Ю., Старостин Г. С. Структура кетской глагольной словоформы // Кетский сборник. Лингвистика. М.: Языки русской культуры: «Восточная литература» РАН, 1995. С. 7–121.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 800 с.
- Холодович А. А. Залог: Определение. Исчисление // Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. С. 277–292.

Храковский В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981. С. 5–38.

Georg S. A Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). Pt 1: Introduction, Phonology, Morphology. Global Oriental Ltd, 2007. 328 p.

Maksunova Z. Compounding and incorporation in Ket (central dialect) // Sprachtypologie und Universalien Forschungen. Language Typology and Universals (Studia Yeniseica). 2003. Vol. 56, iss. 1/2. P. 123–132.

Mithun M. On the nature of noun incorporation // Language. 1986. Vol. 62, No. 1. P. 32–37.

Mithun M. Incorporation // Morphologie: ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung / Hrsg. von G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, unter Mitarb. von W. Kesselheim, S. Skopeteas. Hbd 1. Berlin: New York: Walter De Gruyter, 2000. S. 916–928.

Polinskaja M. S., Nedjalkov V. P. Contrasting the absolutive in Chukchee syntax, semantics and pragmatics // Lingua. 1987. Vol. 71. P. 239–269.

Vajda E. Ket verb structure in typological perspective // Sprachtypologie und Universalien Forschungen / Language Typology and Universals (Studia Yeniseica). 2003. Vol. 56, iss. 1/2. P. 55–92.

Vajda E. J. Ket / Languages of the World/Materials. 204. Lincom Europa, 2004. 99 p.

Werner H. Zur Typologie der Jenissej-Sprachen. Wiesbaden: Harrasowitz Verl., 1995. 214 S.

Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden, Harrasowitz Verl., 1997. 405 S.

Условные обозначения

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо; **ABS** – абсолютный падеж (падеж, не имеющий морфологического оформления); **AP:I** – первая согласовательная позиция (позиция согласования с первым актантом – подлежащим ряда одноместных предикатов и подлежащим-агентом двухместных предикатов); **AP:II** – вторая согласовательная позиция (позиция согласования с первым актантом – подлежащим ряда одноместных предикатов и вторым актантом – прямым дополнением двухместных предикатов); используется вне зависимости от наличия AP:II; **AP:III** – третья согласовательная позиция (позиция согласования со вторым актантом – прямым дополнением двухместных предикатов); **DAT** – дательный падеж; **DET** – детерминатив – субморф (морфема, утратившая свое значение и не поддающаяся этимологизации); **DET_{AP:II}** – приактантный детерминатив (субморф, сопровождающий актантные показатели в AP:II); **F** – женский класс; **INC** – инкорпорант; **INTF** – интерфикс (морфонологический разграничитель), который появляется на стыке морфем, как правило, при гласном ауслауте предшествующей морфемы и гласном анлауте последующей морфемы; **KERN_{ROOT}** – лексическое ядро-корень; **KERN_{VRBL}** – ядро-вербализатор; **M** – мужской класс; **MDF_{ROOT}** – лексический модификатор-корень; **MDF_{VRBL}** – десемантизированный модификатор-вербализатор; **N** – неодушевленный (вещный) класс; **PL** – множественное число; **PL_{AP:I}** – показатель множественного числа актанта-агенса, показатель лица которого занимает AP:I; **POSS** – притяжательный показатель; **PP** – послелог; **PRES** – настоящее время; **TEMP** – показатель времени.

S. S. Butorin

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, butorin_ss@mail.ru*

Variability of morpho-syntactic coding of patient objects in Ket: detransitivizing

The paper deals with the cases of the variable change of syntactically coding a semantic patient object as a component of the semantic object category which is predetermined by the syntactic incorporating derivation process. The paper analyzes the case of the variable change of syntactically coding a semantic patient object. Two strategies of changing morpho-syntactic marking of the patient are identified: a transitive construction where a patient noun has a status of the direct object and an incorporative detransitivized construction where a patient noun is incorporated into the predicate verb. The detransitivizing technique is discussed in detail. The study gives evidence to the fact that the basic and derived structures are correlated using the detransitivizing derivation relations following the pattern «semantically and syntactically transitive construction» → «semantically transitive but syntactically intransitive construction». The variable patient coding is dealt with based on the diatheses and voice concept. In the context of detransitivizing, the correlation between the participant and semantic level units is not subject to any changes: the changes concern only the syntactic level where the alteration of the syntactic status of the referent of a semantic actant takes place. It is demonstrated that as a result of incorporating the patient noun loses its prioritized syntactic status of the direct object and its ability to control the verb agreement. It is argued that from a typological point of view incorporative detransitivizing has functional parallels with the syntactic transformation referred to as antipassive. The functional analogy to antipassive is manifested by the fact that in Ket when being incorporated the direct object placed in the originally privileged syntactic position in the syntactic and communicative hierarchies is demoted as far as its syntactic and communicative rating is concerned. However, the patient noun is preserved in the surface syntactic representation of the utterance. The basic functions of detransitivizing, i. e. the demotion of syntactic and communicative rating of the direct patient object, patient noun backgrounding, focusing on actional-processual situation component are highlighted.

Keywords: Ket language, incorporating actant derivation, variable patient coding, detransitivizing, antipassive, detransitivizing functions.

DOI 10.17223/18137083/65/17

References

- Arkad'ev P. M., Letuchiy A. B. Derivatsiya antipassivnoy zony v adygeyskom yazyke [Derivation of the anti-passive zone in the Adyghe language]. In: *Issledovaniya po glagol'noy derivatsii: Sb. st.* [Studies in verb derivation: coll. of art.]. V. A. Plungyan, S. G. Tatevosov (Eds). Moscow, LRC Publ. House, 2008, 384 p.
- Bondarko A. V. Vremennaya lokalizovannost' [Temporal localization]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [The theory of functional grammar. Introduction. Aspect functional-semantic category. Temporal localization. Taxis]. Moscow, 1987, pp. 210–233.
- Bondarko A. V. K opredeleniyu ponyatiya “zalogovost'” [Toward the definition of voice semantic category]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [The theory of functional grammar. Person functional semantic category. Voice functional semantic category]. Moscow, 1991, pp. 125–141.
- Butorin S. S. *Opisanie morfologicheskoy struktury finitnoy glagol'noy slovoformy ketskogo yazyka s ispol'zovaniem metodiki poryadkovogo chleneniya* [The description of the morphological structure of the Ket finite verb form]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 1995, 19 p.
- Dul'zon A. P. *Skazki narodov Sibirskogo Severa. Vyp. 1* [The tales of the Siberian peoples. Iss. 1]. Tomsk, TSU Publ., 1972, 202 p.
- Georg S. *A descriptive grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). Pt 1: Introduction, Phonology, Morphology*. Folkestone, Global Oriental Ltd, 2007, 328 p.

- Ketskiy sbornik. Mifologiya. Etnografiya. Teksty* [Studia Ketica. Mythology, ethnology, texts]. Vyach. Vs. Ivanov (Ed.). Moscow, Nauka, 1969, 291 p.
- Kreynovich E. A. *Glagol ketskogo yazyka* [The verb in the Ket language]. Leningrad, Nauka, 1968.
- Mel'chuk I. A. *Kurs obshchey morfologii. T. 2* [Cours de morphologie générale/The course of general morphology. Vol. 2]. Moscow, Vienna, LRC Publ. House, Wiener Slawistischer Almanach, 1998, 544 p.
- Kholodovich A. A. Zalog: Opredelenie. Ischislenie [Voice: definition. calculus]. In: Kholodovich A. A. *Problemy grammaticheskoy teorii* [The problems of grammatical theory]. Leningrad, Nauka, 1979, pp. 277–292.
- Khrakovskiy V. S. Diateza i referentnost' (K voprosu o sootnoshenii aktivnykh, passivnykh, refleksivnykh i retsiprokhnykh konstruktsey) [Diathesis and reference (Toward an issue of correlation of active, passive, reflexive and reciprocal constructions)]. In: *Zalogovye konstruktsey v raznostrukturnykh yazykakh* [The voice constructions in structurally differing languages]. Leningrad, Nauka, 1981, pp. 5–38.
- Maksunova Z. Compounding and incorporation in Ket (central dialect). *Sprachtypology und Universalien Forschungen. Language Typology and Universals (Studia Yeniseica)*. 2003, vol. 56, iss. 1/2, pp. 123–132.
- Mithun M. On the nature of noun incorporation. *Language*. 1986, vol. 62, no. 1, pp. 32–37.
- Mithun M. Incorporation. In: *Morphologie: ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. Herausgegeben von Geert Booij, Christian Lehmann, Joachim Mugdan, unter Mitarbeit von Wolfgang Kesselheim und Stavros Skopeteas. *Morphology: An international handbook on inflection and wordformation*. G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan (Eds) in collaboration with W. Kesselheim, S. Skopeteas. 1. Halbband. Vol. 1. Berlin, New York, de Gruyter, 2000, pp. 916–928.
- Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Utterance and its relatedness to reality (referential aspects of pronoun semantics)]. Moscow, 1985.
- Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira: Ucheb. posobie* [The Introduction into grammatical semantics: grammatical meaning and grammatical systems of the world's languages. Textbook]. Moscow, RSUH, 2011, 672 p.
- Polinskaya M. S. Inkorporirovannoe slovo v chukotskom yazyke [The incorporated word in Chukchi]. In: *Morfema i problemy tipologii* [Morpheme and typology issues]. Moscow, 1991, pp. 357–386.
- Polinskaja M. S., Nedjalkov V. P. Contrasting the absolutive in Chukchee syntax, semantics and pragmatics. *Lingua*. 1987, vol. 71, pp. 239–269.
- Reshetnikov K. Yu., Starostin G. S. Struktura ketskoy glagol'noy slovoformy [The Ket verb form structure]. In: *Ketskiy sbornik. Lingvistika* [Studia Ketica. Linguistics]. Moscow, LRC Publ. House, Vost. lit. RAN, 1995, pp. 7–121.
- Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [The introduction into general syntax]. Moscow, RSUH, 2001, 800 p.
- Vajda E. Ket verb structure in typological perspective. *Sprachtypology und Universalien Forschungen. Language Typology and Universals. Studia Yeniseica*, 2003, vol. 56, iss. 1/2, pp. 55–92.
- Vajda E. J. Ket. Languages of the World/Materials. 204. *Lincom Europa*. 2004.
- Werner H. *Zur Typologie der Jenissej-Sprachen*. Wiesbaden, Harrasowitz Verl., 1995, 214 p.
- Werner H. *Die ketische Sprache*. Wiesbaden, Harrasowitz Verl., 1997, 405 p.